

НИКОЛАЙ ХРИПКОВ

БАРКОВ
СОВЕТСКОГО
РОЗЛИВА

РАССКА

7073

Николай Иванович Хрипков Барков советского розлива

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70454686

SelfPub; 2024

Аннотация

Стажер КГБ получает задание разыскать автора порнографической поэмы. На пути поисков ему придется встретиться и познакомиться со многими необычными людьми.

Николай Хрипков

Барков советского розлива

Топольницкий каждый раз робел, заходя в кабинет полковника. Полковник восседал за массивным столом в черном кресле. Над ним висел портрет узкобородого железного Феликса, а слева портрет вождя мирового пролетариата, который шурил глаз и как бы спрашивал каждого входящего: «А что вы, батенька, сделали для победы мировой революции?» Но Топольницкий еще ровным счетом ничего не сделал.

Справа от железного Феликса как будто высеченный из гранита Леонид Ильич, который символизировал стабильность и мощь социалистического строя, который не поколебать никаким врагам.

Иван Семенович, не поднимая головы от бумаг, кивнул, приглашая тем самым присаживаться. Максим опустился на третий от главного стола стул. Слишком близко – не заслужил еще, а с краю могло не понравиться полковнику. Иван Семенович поднял голову. На лице никаких эмоций. Поглядел на Максима, который раскрыл перед собой блокнот и держал наготове ручку.

– Как тебе работа?

– Вникаю, товарищ полковник.

– Бумажками не надоело шебуршать? Ведь ты мечтал не об этом: ловить шпионов.

Как-то от слова «бумажки», а особенно «шебуршать» Максиму стало неудобно, и он заерзал на стуле. Всё-таки это были не бумажки, а документы, и некоторые с грифом «секретно» и требовали они не шебуршания, а серьезного изучения. Как ответить на вопрос, он не знал, поэтому счел самым разумным промолчать.

Если начальство задает вопрос, то это требует ответа. Ответом было его пожимание плечами и извиняющая улыбка. Оправданием для него было то, что вопрос был задан некорректно.

– Что же, Максим Николаевич, вот тебе реальное дело.

Полковник взял тетрадь и протянул ее. Топольницкому пришлось подняться и шагнуть к столу. С тетрадью он вернулся на прежнее место. Это была общая тетрадь в сорок восемь листов с синей обложкой. Обычная тетрадь, которую используют в старших классах и вузах. Максим не отважился открывать тетрадь. Сначала надо было выслушать полковника. Что же такого может быть в этой обычной тетради? Весьма интересно.

– Прочитаешь! – сказал Иван Семенович. – Это нашему сотруднику передала завуч шестьдесят девятой школы Елена Владимировна Снегирева. Проявила, так сказать, бдительность. Прочитаешь! Твоя задача – установить автора этого сочинения. А потом мы уже решим, что делать дальше. Сам

за пределы своей задачи не выходишь.

– Антисоветчина? – тихо, чуть ли не шепотом спросил Максим.

– Ну, не то, чтобы... Хотя дело это тонкое и повернуть можно по-всякому. Ох, уж эти мне писаки! Ну, на антисоветчину не тянет. Но в нашей школе не место этому. Так что давай работай! И достань мне этого писателя-бумагомарателя хоть из-под земли. Ну, а что и как делать, сам сообразишь. Проявляй инициативу. Инициатива в нашей работе – это самое главное. И конечно, беспрекословное выполнение приказов. Возникнут затруднения, обращайся к опытным офицерам. Ну, вот, кажется, и всё.

– Я могу идти, товарищ полковник?

– Ты, лейтенант, конечно, думал, что придешь к нам в контору и сразу начнешь ловить шпионов, разоблачать происки империалистической агентуры. Знаю, что думал. Начнешь! Тем более, уверяю тебя, шпионы у нас есть. Город у нас большой. Столица Сибири. Восемьдесят процентов предприятий выполняют оборонный заказ. И было бы странно, если бы иностранные разведки не интересовались нашим городом. Интересуются еще как! Так что будут у тебя и шпионы. Чтoб им всем в аду гореть! Но это позднее. А пока найди мне этого пакостника, извращенца!

– Так точно, товарищ полковник!

В кабинете, в котором поместили Максима, сидело трое сотрудников. Помещение было небольшое, так что столы

стояли чуть ли не впритык. Остальное пространство занимали стулья, два шкафа, сейф, ключ от которого был только у старшего, капитана Егорова.

Максим открыл тетрадь. Аккуратный, даже красивый почерк, заглавные буквы с завитушками. Так пишет человек, которому нравится сам процесс письма, и он из этого хочет сделать предмет искусства. Это были стихи. Максим пролистал тетрадь. Ого! Почти вся тетрадь исписана. Он не был поклонником поэтической музыки. Чистыми были лишь три последние страницы. «Да, тут целая поэма! О чем же можно написать столько стихов?»

Крупным почерком на первой странице выведено название, еще и дважды обведено «На лесной полянке». Про природу что ли? Тогда чего так полковник всполошился? Но с первых строк понял, что совсем не про природу.

На полянке на лесной
Собрался народ честной,
Раки - ...
Мошки, блошки...

Нецензурные слова почти в каждой строчке. И вот на лесной полянке разворачивается такая непотребщина! Лев пристает к жирафе с непристойным предложением.

Лев, увидев ту картину,
Вынул... наполовину,
Стал к жирафе приставать,
Чтоб дала ему...

Но жирафа была дама

И ему сказала прямо:

– Не тебе меня...

А слону...

Жирафа говорит, что в нее влюбился слон, и куда льву с его хозяйством против слона. Дальше шли живописные картинки совокуплений представителей флоры и фауны. Причем звери разных видов совершали это без всякого стыда и презрев даже законы дикой природы. Совокуплением занимались не только звери, но и пресмыкающиеся, и насекомые, вплоть до тлей и мошек. И все это красочно описывалось на нескольких страницах. И лесные растения, деревья, кустарники, папоротники, ягоды, грибы не могли оставаться безучастными и тоже вступали в свальный грех. А поэтому в лесу стоял невообразимый грохот, треск, скрип, стон, визг. Всё в лесу трепещет, колышется, колеблется, нагибается и разгибается, стелется, топорщится. В конце концов солнце и облака, наблюдая все это, не выдерживают и совокупаются с матушкой землей, которая в экстазе вся сочится влагой.

Трахаются листики с листиками, иголки с иголками, шишка залазит на шишку.

В избушку на курьих ножках вваливается Леший и по полной программе шпарит Бабу-Ягу, а потом и печку, и саму избушку на курьих ножках. И несчастный кот не избежал этой веселой участи.

-

Шестьдесят девятая школа стояла на берегу Затона, так называли залив, которые углубили и расширили. В Затон заходили суда на зимовку и ремонт.

Это было старое бревенчатое двухэтажное здание с крышей, крытой деревянным тесом. Здание стояло на высоком фундаменте, поэтому в школу можно было попасть, поднявшись по высокому деревянному крыльцу.

Топольницкий подумал, зачем сделали такое крыльцо. Всё-таки ребяташки, балуются. Толкнет один другого и полетит, руки-ноги может поломать. Он попал в длинное помещение, где был гардероб. Ряды вешалок были пронумерованы по классам. Оказалось, что средних классов было три параллели, а старших – по две. Занимались в две смены. На одну смену не хватало ни классов, ни учителей. Гардеробщица, пухлая пожилая женщина, первой поздоровалась с ним.

– Мне бы к завучу Елене Владимировне.

Она объяснила, где её кабинет и добавила:

– Если она сейчас не на уроке. Посмотрите расписание.

Она ведет литературу и русский язык в старших классах.

Тояло Елена Владимировна была у себя. Это была крупная моложавая женщина с римским профилем: длинный прямой нос, широкий подбородок и маленький рот. На ней был серый костюм. Юбка доходила почти до щиколоток. На стеллаже вдоль стены стояли горны, барабаны, вазы с флажками, лежали папки и стояло несколько, как их называ-

ют «гармошек», самодельных картонных выставок. На «гармошках» были фотографии, а под ними крупные подписи разного цвета, сделанные печатными буквами. Она улыбнулась Топольницкому и указала на стул за длинным столом. Топольницкий показал удостоверение. Елена Владимировна кивнула.

– Я поняла. Это я отнесла к вам тетрадь. Посчитала это своим долгом. Такой мерзости не место в советской школе. Это настоящая идеологическая диверсия, которая подрывает...

– Вы читали эту...эээ... поэму?

Елена Владимировна замялась.

– Нууу... Я же должна знать, что это такое. Но меня хватило на несколько страниц этой мерзости. Такого отвратительного... не могу назвать это стихами.. мне не доводилось...

– Елена Владимировна, моя задача найти автора этого... эээ... опуса.

– Да. Конечно.

– Расскажите мне, как она попала к вам.

– Я веду литература в старших классах. Это восьмые и десятые классы, наши выпускные классы. Вот вчера на уроке вижу, что на «камчатке» какое-то нездоровое возбуждение. Глаза горят, о чем-то шепчутся, шебуршат и вроде как что-то перелистывают. «Камчаткой» у нас принято называть последние парты, их обычно занимают слабые ученики.

– Я знаю.

– Почему-то они считают, что на задних партах они не так заметны и поэтому можно позволить себе некоторые вольности. Но это не так. Как раз передние парты преподаватель почти не видит. В поле его зрения задняя стена и задние парты. Ну, и естественно, и те, кто сидят за ними. Я заметила нездоровое возбуждение на одной из задних парт.

– Что вы имеете в виду, когда говорите о нездоровом возбуждении?

– Подростки были явно заняты чем-то посторонним. Взгляд Сорокина и его соседа были устремлены вниз. Сорокин что-то держал на коленях и они это что-то читали. Еле сдерживали смех, зажимали рты ладонями. Я применила военную хитрость. В арсенале каждого педагога целый набор таких хитростей. Что вы хотите? Мы имеем дело с детьми. Рассказывая по теме, я ходила между рядами. Для учеников это привычно. Так как-то и рассказывать легче и опять же контроль осуществляешь. Подростки потеряли бдительность. Они даже не заметили, как я подошла к ним, чтобы узнать, что же это так заинтересовало и развеселило их. У Сорокина на коленях лежала тетрадь, которую они и читали на уроке. «Дай сюда!» – сказала я. Сорокин покраснел, захлопнул тетрадь и стал толкать ее в портфель. Но видно учебники и тетради мешали ему сразу сделать это. Я повторила своё требование. Ну, обычное: «Елена Владимировна! Простите нас! Мы больше не будем делать этого. Честное слово!» Я настаивала. Но Сорокин наотрез отказывался от-

дать тетрадь. Мне стало понятно, что в этой тетради что-то такое, что они стыдятся мне показать. Я пригрозила, что вызову директора. Директор у нас Роман Васильевич Пятак. В общем-то боятся его. Нет, он не кричит, не пугает, но так глянет. Только после этого они отдали мне тетрадь. На перемене я прочитала несколько страниц и пришла в ужас. Разумеется, коллегам даже не решилась показывать. Это такая пакость, такая похабщина, такая мерзость. Это разрушает всю нашу воспитательную работу, подрывает принципы морального кодекса. И такое в нашей советской школе! Да что там в школе, в нашем обществе не должно быть место такому. Это идеологическая атака на нашу мораль. Вы согласны со мной? Вы же посмотрели, что это такое?

– Целиком и полностью согласен с вами, Елена Владимировна, иначе я не сидел бы сейчас в вашем кабинете. И вы поступили совершенно правильно, что обратились к нам. Это не простая детская шалость, это нечто подрывное, разрушительное. Всё-таки мы живем в окружении, сами знаете, как-ком. В борьбе против нас они пользуются всеми средствами, в том числе и такими.

– Вы считаете, что это враги?

– Конечно, враги. А кто же еще? А детские души очень впечатлительные. Они, как губки, впитывают и хорошее, и дурное. Это мы с вами, зрелые сознательные люди, можем оценить, что это такое. А детским душам еще недоступна такая оценка. В них легко проникает любой яд. Ну, что же...

мы с вами делаем одно общее дело. Вы по-своему, мы по-своему. Но дело у нас общее – защита нашего социалистического строя. Я должен побеседовать с Сорокиным. Кстати, что он собой представляет?

– Ну, троечник. Думали, что после восьмого класса он пойдет в ремесленное училище. Учебная мотивация низкая. В седьмом классе оставался на второй год. Имел неудовлетворительные оценки по трем предметам. Ну, вот что такому делать в старших классах? А он заявился – не запылится. Отказать мы не можем. Тем более, что выпускные экзамены он после восьмого класса сдал. Пусть и на одни тройки. Да и тройки ставили потому, что думали, что он уйдет из школы.

Сорокин боком протиснулся в приоткрытую дверь и посмотрел на Топольницкого, как затравленный зверек, который понимает, что перед ним сильный враг, от которого можно ожидать самых больших неприятностей и застыл у дверного косяка.

– Чего ты там стоишь, Сорокин? – прикрикнула Елена Владимировна. – Вот на уроках был бы таким застенчивым. – Какие мы скромные стали. Проходи и садись!

– Присаживайся! – поправил Топольницкий. Ему уже давно объяснили разницу между «садись» и «присаживайся». – Пока!

Пошутил он и тут же осознал, что шутка получилась глупой. Глянул на Елену Владимировну, никакой реакции.

Сорокин опустился на стул напротив Топольницкого и

тут же поспешно ухватился за полы свитера домашней вязки и потянул их чуть ли не до колен. Это был высокий подросток. Его можно было назвать даже симпатичным, если бы не маленькие глазки, которые метались, как испуганные зверьки, которые желают спрятаться от опасности.

Елена Владимировна глянула на Топольницкого, который как раз в это время делал записи в блокноте и произнесла:

– Я вас оставлю с вашего позволения.

Она поднялась и направилась к выходу. Топольницкий отметил, как она прямо держит спину. Такое наблюдается у уверенных в своей правоте людей.

– Сорокин Анатолий, ученик десятого Б класса, – пробубонил Топольницкий. – Так?

– Так, – кивнул Сорокин и опять потянул полы свитера к коленям.

Топольницкий неторопливо растегнул папку и извлек крамольную тетрадь.

– Узнаешь?

– Да, – кивнул Сорокин.

– Твоя?

– Да. То есть нет.

– Так да или нет?

– Ну, я ее взял у брата.

– А брат у нас кто?

– Витя. Старший брат.

– А Вите у нас сколько лет?

– В прошлом году летом восемнадцать исполнилось.

– А Витя у нас учится или работает?

– Учится. Он фазан.

Топольницкий оторвался от блокнота и глянул на Сорокина. Сорокин опять потянул полы свитера. Он был явно напуган. Глазки его бегали.

– Не понял. Какой еще фазан?

– Ну, фазанами называют тех, кто учится в речном училище.

– Училище?

– Ну, да.

– Ага. Значит, твой старший брат Витя учится в речном училище. А как попала к тебе тетрадь? Ты ее сам взял или Витя дал тебе ее?

– Ну, смотрю, он что-то читает, смеется. Спросил, что такое. Он сказал: не твое дело. Ну, положил у себя на полке в шкафу, где у него тетради и учебники лежат. Ну, а когда его не было дома, я взял тетрадь, почитал, ну, и решил пацанам почитать.

– Пацанам? Это кому?

– Ну, друзьям во дворе. В школе там.

– В школе ты ее читал на уроке с соседом по парте, когда Елена Владимировна забрала у тебя эту тетрадку.

– Ну, не только.

– А где еще?

– В туалете.

– В туалете?

– Ну, да. Пацаны там курят на перемене. Я им читал тоже.

– Пацаны – это кто?

– Ну, из старших классов. Ну, и мелкие подходили. Слушали

– И вот эту похабщину ты чи?ал при младшекласниках? Сорокин опустил голову. Натянул свитер на колени.

– А брат хватился тетради?

– Да.

– И что?

– На меня наехал. Я сказал, что не брал. Он дал мне пошее. Я сознался.

– Сказал, что забрала Елена Владимировна?

– Ну.

– И что?

– Ну, брат пинал меня, даже по морде дал. Ругался.

– Что он тебе говорил?

– Ну, что я дурак, что за это посадить могут.

– Значит так, Анатолий. Давай сделаем так! Ты о нашем разговоре никому. Могила. Понял?

– Ага.

– Адресок мне свой скажешь. Хотя не надо. В школе он есть.

Сорокин поднял голову. На этот раз глаза его не бегали.

– Меня посадят?

– Посадить не посадят. А вот в комсомол точно не примут.

– Да я туда и не рвусь. Больно надо.

– Это плохо, что не рвешься. А рваться надо. Комсомол – это молодость мира, а его возводить молодым. А куда после школы собираешься?

– Да куда? В ремеслуху. Не в институт же.

– Это точно. В институте тебя не ждут.

– Я могу идти? У нас урок физики. Любовь Александровна не любит, когда опаздывают на ее уроки.

– Иди! Уговор наш помнишь? Никому! Ни одной душе!

– Ага! Ага!

Уже взялся за ручку.

– Постой, Сорокин! А что ты всё время одергиваешь свитер?

– У меня э то...

– Ну, говори!

– У меня замок разошелся.

– Вон что! Ну, давай дуй на урок!

Зашла Елена Владимировна.

– Забыла вам сказать, Максим Николаевич, Сорокин состоит у нас на учете в детской комнате милиции.

– По поводу?

– Употребление спиртных напитков, драки, прогулы. А сейчас еще и вот это. Гнать надо таких из школы!

–

Речное училище стояло на окраине сразу за судоремонтным заводом. Поднявшись по широкому каменному крыль-

цу, Топольницкий попал в просторный холл, по которому расхаживали будущие речники, все в одинаковой одежде. Темные синие рубахи, черные расклешенные брюки, которые держались на ремнях, на бляхах которых был изображен якорь и серп с молотом.

И черные туфли на всех.

Завуч на этот раз был мужчина лет сорока в морском кителе. Предупрежденный об его приходе по телефону, он ждал его в холле на первом этаже возле расписания. Протянул руку, представился;

– Заместитель директора училища по учебно-воспитательной части Жильцов Борис Петрович. Сорокин предупрежден и сидит у меня в кабинете. Могу я поинтересоваться, что он натворил? Поверьте, я спрашиваю об этом не из праздного любопытства.

– Он никого не убил и не ограбил. Он может помочь мне в поиске автора одного сочинения, которое не нужно читать советской молодежи.

– Антисоветчина?

– Не совсем. Но тоже ничего хорошего.

Они, не торопясь, поднялись на второй этаж. Топольницкий хотел узнать о Сорокине до того, как встретится с ним.

– Ну, что такое Виктор Сорокин? Середнячок. Себе на уме. Почти по всем дисциплинам тройки. Познавательная мотивация низкая. На уроках пассивен. Интересы не проявляет. Не комсомолец. Не спортсмен. Ни одного кружка не

посещает. Какой-то вялый. Ну, знаете, к нам в основном приходит контингент, от которого школы желают избавиться.

Топольницкий кивнул. Зашли в кабинет.

– Мне оставить вас наедине? – спросил завуч. – Или мое присутствие обязательно?

– Совсем необязательно.

Топольницкий сел на место завуча. Поманил Сорокина.

– Ближе подсаживайся!

Юноша пересел. Почти ничего похожего с младшим братом. Ага! У них же разные отчества. Значит, от разных отцов.

– Я сотрудник комитета государственной безопасности. Слышал о таком?

Сорокин кивнул. Смотрел он в угол, избегая встретиться с ним взглядом. Значит, есть, что скрывать.

– Не догадываешься по какому поводу я собираюсь беседовать с тобой?

– Нет.

Топольницкий достал тетрадку.

– Узнаешь?

– Узнаю.

– Твоя?

– Моя.

– Читал?

– Читал.

– То, что ты не автор этого, понятно. Возникает вопрос:

кто тебе дал эту тетрадь? Или ты переписал у кого-то?

– Дал.

– Кто?

– Не скажу.

– Я, кажется, сказал, откуда я. От нас никаких секретов нет. Ты это не знал? Еще раз повторяю: кто тебе дал эту тетрадь?

Сорокин еще ниже опустил голову.

– Понятно. Значит, продолжим беседу в другом месте. Ты догадываешься, где? Отвечай, когда тебя спрашивают!

– Догадываюсь.

– Ты понимаешь, что там в игрушки не играют. И если там с кем-то желают поговорить, то это очень серьезно. Так что? К нам на допрос?

– Не надо.

– Тогда говори!

– Ну, меня же будут стукачом считать.

– Если ты скрываешь правду от органов, знаешь, кем ты становишься? Государственным преступником со всеми вытекающими последствиями. Говори!

– Ну...

– Говори!

– Ну, в общем, мне Вовка Зябликов дал почитать. На три дня. А этот придурок утащил ее у меня.

– Придурок – это твой младший брат? А Владимир Зябликов – это кто? Вы с ним друзья?

– Он старше меня на три года. Уже в армии отслужил. Сейчас на стройке работает. Мы так с ним пересекаемся. Ну, пили пиво у реки. Он достал эту тетрадь, стал читать. Я попросил у него. Он сначала не хотел давать. Но потом дал. Сказал, что на три дня. Если хочешь, то перепиши. Но никому не давай!

– Переписал?

– Не.

– А что так?

– Не люблю писанины. Меня и в училище за это преподаватели ругают, что не пишу конспектов. Ну, я-то вообще пишу. Ну, не успеваю я. Потом у кого-нибудь переписываю. Беру у кого-нибудь конспект и переписываю.

= Так! С конспектами понятно. Кто еще тогда с вами у реки пил пиво?

– Ну. Только Муханов, Лёшка Коноплев. Вот. Четверо нас было. Взяли трехлитровую банку пива.

– Адрес Вовки Зябликова?

– Ну, в одном доме мы живем. Только он в другом подъезде. Квартира восемь. А комната у них прямо, как заходите в коридор. Слева будет кухня, а прямо их дверь.

–

Конечно, Зябликова можно было вызвать официальной повесткой в комитет на допрос. Тут были две причины, которые заставили Топольницкого отказаться от этого. Первая: указание полковника о том, чтобы провести это дело тихо,

без шума, чтобы о нем никто не знал и автора похабщины взять за жабры без лишних свидетелей и без шумихи. Вторая: это наставление Ивана Кузьмича Огородникова, который читал им курс оперативной работы. Иван Кузьмич говорил о том, что неформальная беседа часто дает больше, чем официальный допрос в кабинете. Человек, оказавшись в кабинете, уже чувствует себя виновным, даже если за ним нет никакой вины. Такова человеческая психология, на нее давят стены, стол, протокольная запись. Человек в напряжении, он боится хотя бы на миг утратить бдительность, потому что от каждого его слова зависит его судьба, он ведет себя не так, как в обычных естественных условиях. В неофициальной же обстановке он раскован, больше склонен к откровенности. Если даже проболтается о чем-то тайном, то не сильно переживает об этом. Он знает, что в любой момент может отказаться от своих слов. «Не помню, чтобы я такое говорил. Да не может быть, чтобы я такое сказал! А докажите, что я такое говорил! Протокол же не вели».

Можно встретиться с Зябликовым вечером, когда он вернется с работы. Но Топольницкий решил, что встреча на рабочем месте даст больше. Да и большую часть своей жизни мы проводим на работе, а не дома, если, конечно, не брать в расчет сон.

В тресте сказали, на каком участке работает Зябликов. Это была новостройка – пятиэтажный дом. Коробка уже стояла. С крыши. К дому подводили коммуникации: тепло-

трассу, водопровод, электричество, телефонную связь. Поэтому вокруг дома, как змеи, вились траншеи. Гудели экскаваторы, бульдозеры отталкивали землю.

Прораб Степанов, уже извещенный о визите, поджидал его возле вагончика. Это был мужчина лет за пятьдесят, широкоскулый, с маленькими глазками. Сейчас на нем был плащ, сапоги, а на голове строительная каска.

Топольницкий одно время увлекался физиогномикой и по типу лица Степанова установил его финно-угорское происхождение: он или мордвин, или мариец, или кто-нибудь из его родителей из этих народов. Что это ему давало, он и сам не знал.

– И что натворил этот хмырь? – спросил Степанов, пожав Топольницкому руку.

Топольницкому не понравилось эт слово «хмырь». Всё-таки это твой рабочий. Значит, не очень-то он уважает работу. Да и спросил он с какой-то ехидцей. «Мол, вот я знаю, что это такой, что обязательно, что-нибудь вытворит неладное. Я всегда был в этом уверен».

– Так, уважаемый, – проговорил Топольницкий. – Никто ничего не натворил. Если я кем-то интересуюсь, это совсем не значит, что он обязательно что-то натворил. Просто мне нужно побеседовать. И потом, почему вы называете рабочих так уничижительно? Всё-таки рабочий класс у нас считается самым передовым, авангардом общества. К себе вы требуете уважительного отношения. Так что сами уважайте лю-

дей.

Топольницкий удивился самому себе, он отчитал человека более старшего по возрасту. Степанов понял, что его отхлестали, как провинившегося подростка. Но видно это часто случалось с ним. И он привык получать подзатыльники и пощечины от начальства. Не успел даже обидеться.

– Где я смогу побеседовать с Зябликовым?

– В моем вагончике.

Обычный вагончик. Такие ставили на каждой стройке для прораба, для рабочих. У входной двери на табуретке металлический бак с краником. А на баке кружка. Не ходить же каждому со своей посудой. Да и по утрам у некоторых наблюдался сушняк. Рядом побольше отделение, где был уголь и сложены дрова. За электрообогреватели пожарники гоняли.

Поэтому зимой вагончик отапливали буржуйкой, самодельной металлической печью. Здесь и была собственно конторка прораба со старым столом, крытым зеленой тканью, которая протерлась в нескольких местах и зияла прорехами, лавкой вдоль стены и несколькими стульями. На тумбочке стоял небольшой сейф, где прораб хранил документы. На стенках висели графики, приказы, инструкции.

– Сейчас я его позову, – сказал Степанов. – А вы располагайтесь! Будьте как дома.

– А что вы можете сказать о Зябликове, Алексей Петрович?

– Ну, Зяблик он и есть Зяблик. Что о нем скажешь? Сто всякими кадрами приходится работать.

– Алексей Петрович! Ну, я же вас просил без этих уничижительных характеристик. Говорите по делу. Вы работаете с ним рядом, должны его хорошо знать.

– Это прозвище у него такое. Его так все зовут. Ну, что я о нем могу сказать. Противоречивое к нему отношение. Вы не думайте, я хорошо отношусь к людям. Но люди-то разные. Вот зимой попал в вытрезвитель. Так хорошо, что милиция подобрала, а ведь мог и замерзнуть. Или какие-нибудь отморозки убили бы. У нас такое случается. А перед этим получка была. Он себе новую меховую шапку купил. А то носил какую-то облезшую крысу, как бомж. А покупки, сами знаете, обмывать надо. Хе-хе! Простите! И часы наручные. И вот или сняли всё это, когда пьяный лежал. Или еще как. Он-то сам, конечно, ничего не помнит. Я, кстати, об этом в заметке написал.

– В какой заметке?

– А я внештатный корреспондент в нашей газете «Строитель». Уже много лет. Еще и платят. Немного, правда. Редкий номер без моей заметки обходится. Как только готовится новый номер, мне звонят: «Алексей Петрович! Ждем ваш материал!» Да я тут же вот в этом вагончике на этом вот столе и подмахну что-нибудь. Хвалят за бойкость пера. И за оперативность, само собой. А сюжетов тут у нас на каждом шагу.

– Алексей Петрович! Меня всё-таки Зябликов интересу-ет. Что вы о нем можете сказать, как о специалисте? Всё-та-ки для руководителя главное деловые качества работника.

= Знаете, бывает опаздывает на работу. Ссылается на ав-тобус. А что автобус? У всех автобус. Значит, вставай рань-ше, чтобы не опаздывать. Лучше пораньше явиться на рабо-ту, чем опоздать. Я двадцать пять лет на стройке. И ни ра-зу... понимаете, ни разу не опоздал. Я, кстати, вишу на доске почета. В смысле фотография моя.

– А как специалист? Плохой, хороший?

– Как специалист? Он же плиточник. Плитку кладет. Там в туалете, в ванне, на балконе, на лестничной площадке.

– Понял. И что?

– Я так скажу. Достоин всяческой похвалы. Как к плиточ-нику, у меня нет к нему никаких претензий. Просто талант. Лучше его никто плитку не положит. Так выложит – загля-денье. Ни сучка, ни задоринки. Всё ровненько, никаких вы-ступов, ни щербинки. Что тут скажешь, талант. Только это его и губит.

– Это как?

– Ну, частник, если хочет плитку выложить, там в кварти-ре или на даче, так непременно им Зябликова подавай. Са-рафанное радио, понимаете. Слава о нем просто идет. А как работу сделает, то часто ему застолья предлагают. Ну, и день-ги, само собой. Он за час колыма больше зарабатывает, чем за целый день на стройке. Поэтому от этого дела никогда не

отказывается. Только всё сюда уходит.

Прораб пощелкал себя по кадыку.

– Машину уже мог бы купить. Да куда там! Всё в глотку и в глотку. Прожженная она у него.

– Понял, Алексей Петрович. Пригласите его, пожалуйста, в вагончик.

«А ведь, действительно, зяблик», – подумал Топольницкий, когда на пороге возникла худенькая невысокая фигура в замызганной фуфайке и черных штанах, которые пузырились у него на коленях и на бедрах. На ногах у него были короткие кирзовые сапоги. Такие носят в армии в стройбате. Сбоку были дырки. Может быть, их сделали специально для вентиляции, чтобы не потели ноги. Его можно было назвать даже красивым: прямой нос, большие светлые глаза, высокий лоб, к которому прилипла прядка темных волос. Выглядел он совершенно спокойным, хотя прораб по дороге, конечно же, сообщил ему, кто с ним желает побеседовать. Он мял шапчонку, не решаясь оторваться от порога без приглашения.

–

Топольницкий постучал пальцем по папке и махнул рукой, приглашая садиться. «Кажется, я начинаю себя вести уже, как большой начальник. Хотя для простых людей я уже начальник». Зябликов опустил на стул, поерзал на стуле, приподнялся, отодвинул стул от стола и зажал ладони между коленами. Значит, замкнутый, не склонный к откровен-

ности. Топольницкий показал ему раскрытое удостоверение.

– Владимир Владимирович, угадайте с трех раз, что у меня в этой папке?

Топольницкий решил, что несколько легкомысленным тоном он сможет расположить его к себе, лучше разговорить паренька. И опять забарабанил по папке.

– Не знаю, – равнодушно ответил Зябликов, демонстрируя тем самым, что ему совершенно наплевать, что там в папке.

– Ответ неверный. Вторая попытка. Ну!

– Документы. Что еще может быть в папке? Для того и носят папку, чтобы хранить в ней документы.

– Теплее. Последняя попытка, Зябликов.

– Протоколы.

– Ответ неверный. Протокол положено составлять в кабинете, когда ведется официальный допрос. Если мне нужно было бы составить протокол, я бы вас пригласил повесткой. Но, если я здесь, значит, никакого протокола я составлять не собираюсь. Понимаете, Зябликов? Вы не обвиняемый. Но если я разговариваю с вами, значит, есть в этом такая необходимость. И я надеюсь на вашу откровенность и искренность.

Топольницкий отодвинул от себя папку.

– Вот вместо того, чтобы заниматься настоящим делом, а настоящее дело – это ловить шпионов, агентов иностранных разведок, я должен заниматься вот этим. Но раз я этим занимаюсь, значит, так надо. Враг очень хитер и коварен. В борьбе с нами он использует все средства. Ведет идеологическую

борьбу, чтобы разрушить наши моральные устои, воспитать из молодежи циников, лишенных всяких идеалов. Тут все средства хороши. Ну, что молчишь, Зябликов?

– А что?

– Тебе нечего сказать?

– А что мне сказать? Я не шпион.

– Ну, если бы ты был шпионом, мы бы разговаривали в другом месте и не в такой дружественной атмосфере.

– Что я сделал?

– Вот! Правильный вопрос.

Топольницкий расстегнул папку и достал тетрадь.

– Узнаешь?

– Узнаю.

– Читал?

– Читал.

– А как ты думаешь, что если вот это будут читать дети, подростки, вместо того, чтобы читать «Как закалялась сталь», «Повесть о настоящем человеке», что из них получится в недалеком будущем? Молчишь? А ведь не малолетка уже. В армии отслужил. Отдал, так сказать, священный долг. Работаешь. И уже должен понимать такие вещи. Ладно, сам читал. Но зачем ты это отдал другому?

– Ну, пили пивко с Витьком. Я для ржачки достал эту тетрадь, стал читать. Витька попросил на время. Ну, там переписать, может быть. Ну, я дал.

– Так! Стоп! Стоп! Стоп! Решил почитать для ржачки.

Значит, у тебя тетрадь была с собой?

– Ну.

– А зачем ты ее носил с собой? Хотя ответ напрашивается сам. Собираясь попить пиво со знакомым Виктором, ты уже имел намерение почитать ему эту тетрадь. Я правильно излагаю? Если нет, поправь меня.

– Правильно.

– Виктор попросил у тебя тетрадь, чтобы переписать ее содержимое. Переписал?

– Не знаю.

– А почему он тебе не вернул тетрадь?

– Ну...

– Говори! Говори!

– Он сказал, что брат без спроса взял тетрадь. Ну, а в школе у него тетрадь отобрали.

– Правильно. Потому что Витькин брат читал эту похабщину в туалете. И эту похабщину слушала малышня, пионеры, которые делу Ленина верны. А потом мы удивляемся, почему наша молодежь пьет, курит, хулиганит и вместо слова МИР на заборах пишет другое слово тоже из трех букв. Но что тебе читать мораль? Ты взрослый человек. Ставим главный вопрос. Это сочинено и записано не тобой. Так?

– Да.

– Кто это сочинил, ты не знаешь?

– Нет.

– А как к тебе попала эта тетрадь?

– Нашел.

– Что? Нашел?

– Да. Нашел.

– Где? Как?

– В автобусе. Ну, я на работу на автобусе езжу. Народу, как всегда, было много. Я стоял на задней площадке. Ну, уже к Затону подъезжали. Стою, переминаюсь с ноги на ногу. Чувствую, под правой ногой как будто что-то есть. Наклонился. Там эта тетрадка. Ну, понятно, обронил кто-то. Какой-нибудь студент свои конспекты. Поднял тетрадь, спрашиваю: «Граждане! Никто не терял тетрадь?» Ну, обычно на обложке пишут фамилию, имя, где учится. Открыл. А там это...

– Нашел! Нашел!

Топольницкий убрал тетрадь.

– Ладно, Зябликов. Поступил ты нехорошо. Никак советский гражданин. Надеюсь, ты осознал это? И своим поступком ты помог нашему идеологическому врагу. А как ты думал? Это не шуточки. Ржачка, видите, у них. А сознание-то твое меняется. Надеюсь, что ты это понял и осознал. Так что будем считать, что профилактическая беседа с тобой проведена. И ты раскаиваешься в своем поступке. Так же? И еще, Зябликов, о нашей о беседе, о том, о чем мы говорили, никому. Ни слова! Понял!

– Алексей Петрович будет спрашивать обязательно.

– Алексею Петровичу тем более. Уже завтра в газетке всё пропишет. Он же у вас журналист по совместительству. Ска-

жешь, что об одном сослуживце расспрашивал.

– Я могу идти?

– Можешь.

Зябликов поднялся. Рабочие штаны не по размеру пузырярем раздувались на его худенькой заднице.

– Это... – крикнул Топольницкий вдогонку. – Не пей ты так! Добром это не кончится.

–

«Что же это получается? Цепочка оборвалась? Вот шел, тянул веревочку и оказался на краю пропасти. Где искать автора или очередного хозяина тетрадки? Дать объявление? «Кто в автобусе такого-то маршрута потерял тетрадку с похабными стишками, обращайтесь в КГБ». Что же ему доложить полковнику? Если он не справился с таким простым делом, кто же доверит ему серьезное дело? Так что придется забыть о шпионах».

Топольницкий смотрел в окно кабинета на проезжавшие по дороге автомобили, на низкое серое небо. В голове была пустота. Хотелось, как в детстве, уткнуться маме в подол и рыдать навзрыд. «Меня Стёпка обидел». А мама утешит, успокоит, мама надерет Стёпке уши. Он краснодипломник, полный надежд и гигантских планов оказался возле разбитого корыта. Самое страшное, что он не знал, что ему делать. Оставалось одно: пойти к полковнику признаться, что он не справился с поручением. Хотя он же не пионер, которому дают поручение, это был приказ. Он уже видел кислую

физиономию полковника. «Свободен, лейтенант!» Пойти к полковнику – это то же самое, что и застрелиться от безысходности.

Топольницкий опять вспомнил старого преподавателя по оперативной работе Ивана Кузьмича. «Если вы не знаете, что делать, обращайтесь к специалисту». Стоп!

К специалисту? К какому специалисту? К человеку, который профессионально занимается стихами, который знает местных поэтов.

–

Местное отделение союза писателей находилось в том же здании, где и городская библиотека. Только нужно было перейти в другое крыло. Председатель местного отделения был больше похож на боксера, чем на служителя поэтической музы. Особенно, когда увидишь его кулаки размером с полголовы с выступавшими костяшками пальцев

– Кто лучше всех знает местных поэтов? – повторил он вопрос Топольницкого. – Это к Никулькину, он занимается молодыми поэтами, ведет поэтические семинары, читает их стихи, дает рекомендации. Вот никогда не думал, что чекистов может заинтересовать поэзия.

– Чекистов всё интересует, – сухо ответил Топольницкий.

Никульков был в своем кабинете. Глубокие морщины избородили не только его лоб и щеки, но и подбородок. Топольницкий протянул ему тетрадь.

– Мы ищем того, кто мог написать эту поэму. Познакомь-

тесь, пожалуйста. Может быть, у вас возникнут мысли по этому поводу. Только настоятельная просьба: никому не давать читать этого. И вообще никому не рассказывать о моем визите.

– Понимаю! Понимаю! – пробормотал Никульков.

Поднял тетрадь над столом и пролистал ее веером.

– Думаю, что сегодня прочитаю.

– Тогда завтра я к вам зайду в это же время.

Особо заняться было нечем. Топольницкий зашел в библиотеку. За кафедрой сидела пожилая женщина. С милостивым лицом и доброй улыбкой.

– Что вас интересует, молодой человек? – спросила она.

– Видите ли, я по роду своих занятий связан с молодежью.

Поэтому хотелось бы узнать, чем интересуется молодежь, какие книги читает.

Библиотекарша вздохнула.

– Вот книгами молодежь интересуется всё меньше. Есть молодые люди, которые читают много, студенты, особенно филологи, будущие педагоги. В целом же такая печальная тенденция: читать мы стали меньше. Я всю жизнь работаю в библиотеке и мне есть с чем сравнивать.

– Этому есть объективные причины? Вы как думаете?

– Конечно. Появились новые увлечения. Это музыка. Особенно зарубежная. Кино. Если неделя какого-нибудь зарубежного фильма, то билеты у спекулянтов втридорога скупают.

– Что-то же всё-таки читают? Какие тут предпочтения?

– Детективы. Но в основном зарубежные. Тут у нас очередь записывается. И любовный роман. Тоже зарубежный. Это девушки. И такой литературы нам поступает мало. Зачитывают до дыр.

– А наших?

– А наших пожилые в основном читают.

– Спасибо. Я учту это в своей работе.

На следующий день в то же самое время Топольницкий сидел в том же самом кабинете на том же самом месте.

– Что я могу сказать? – неторопливо начал Николай Петрович. – Автор несомненно, одаренный человек. Думаю, что это у него далеко не единственное сочинение. Имеет опыт стихотворства. Он прекрасный версификатор.

– Версификатор – это что такое? Извините, а далек от литературного творчества.

– Человек, владеющий стихосложением. Так сказать, профессиональный поэт.

– Угу! Я на это тоже обратил внимание. Всё так складно написано. Чувствуется рука мастера.

– Умело строит сюжет. Постоянно держит читателя в напряжении. Яркие образы. И рифмы необычные: на нас – ананас, дожди – сиди да жди. Повторюсь: это писал не рифмач из подворотни, а довольно опытный и одаренный человек. Очень любопытно было бы почитать другие его произведения. Но, как я понимаю, у вас только это.

– Только. Но меня интересует конкретная личность.

Николай Петрович хмыкнул, развел руками.

– Не могу знать.

– Но ведь вы ведете семинары у молодых поэтов, читаете и разбираете их стихи. То есть это аудитория вам знакома. Неужели ничего подобного вам не попадалось? Я не имею в виду предмет изображения, содержание, но форма, стиль, манера письма. Может быть, вам попадалось нечто знакомое? Ведь у каждого талантливое, одаренное поэта своё лицо, свой стиль, своя манера изложения, какие-то любимые слова. Есенина никак не спутаешь с Маяковским или Блоком. Или там Пушкина с Некрасовым. Не надо быть литературоведом, чтобы узнать знакомых поэтов.

– Так, Максим Николаевич. Но это мог написать человек, который не посещает моих семинаров и стихов которого я не читал. И скорее всего, это именно так. Я обязательно бы обратил внимание на такое дарование.

– Среди знакомых вам молодых поэтов вы не можете назвать никого, кто бы мог написать эту поэму? Я правильно вас понял, Николай Петрович?

= Кто угодно мог написать. А почему бы и нет. Знаете, порой очень серьезный человек любит подурачиться. У меня есть знакомый доктор наук, который любит переодеваться и разыгрывать разные роли.

– Кто-то, действительно, очень хорошо подурачился. Только как мне найти этого шутника?

– Увы и ах! Рад был бы помочь, даже считаю своим долгом помочь, но, к сожалению...

«Тупик. И теперь, кажется, без выхода». Топольницкий убрал в папку проклятую тетрадь.

– Что же, Николай Петрович, благодарю вас за консультацию. Простите, что отнял ваше драгоценное время. Но, как говорится, отрицательный результат – тоже результат.

Шагнул к двери и уже взялся за ручку.

– А знаете, Максим Николаевич, о чем я сейчас подумал? Я, кажется, знаю, к кому вам обратиться.

– И кто же это?

– Многие мои знакомые поэты имеют хобби, впрочем, как и другие люди. И для некоторых это хобби даже интересней главного занятия. Что вполне понятно. Здесь никаких для вас нет рамок. Кто-то марки собирает, кто-то иконы, кто-то первоиздания. Но есть такие, которых я называю фольклористами. Вот один собирает частушки, причем обязательно матерные, другой скабрёзные песенки с непристойным содержанием. Есть собиратели черного юмора, анекдотов, матершинных пословиц и поговорок или заковыристых словечек, на которые так изобретателен наш народ. Сами понимаете, что знакомить со своим хобби они могут только хороших друзей за кухонным столом с бутылочкой водки. Есть у меня знакомый, который собирает вот такие похабные нецензурные шедевры. Но только собирает. Не более того. Это тайна, которую он не афиширует, и об этом знают только близки-

езнакомые. Знаете, я, наверно, не должен вам рассказывать о нем. Как-то это выглядит некрасиво.

– Уверяю вас, что это не так. Продолжайте, это очень интересно.

– Я могу вам дать его адрес, Максим Николаевич. Но вы должны меня понять. Я должен получить твердую гарантию, что этот человек никоим образом не пострадает. Иначе я ничего не буду говорить. И давайте забудем этот разговор. Я ничего вам не говорил.

– Даю слово офицера! Он мне нужен только как консультант.

– Ну, что же, я вам верю. Я немного разбираюсь в людях. У вас честные глаза. Вы не способны на подлость. Записывайте! Самогонов... Да-да, повезло человеку с фамилией. Анатолий Васильевич. Адрес...

–

Товарищ со звучной фамилией был редактором математического журнала. Хотя в математике разбирался на школьном уровне. То есть дальше четырех действий не пошел. Знания высшей математики от него и не требовалось. А редактор он был опытный. Статьи вычитывали другие математики-специалисты, они же писали аннотации и рецензии., которые другой специалист со знанием английского языка переводил на иностранную мову. Анатолий Васильевич принимал решение о публикации и передавал статью корректору. После корректуры он пускал статью в печать. Об этом ему

поведал Николай Петрович.

А вот в свободное от редакторского ярма время он копался на даче, смотрел телевизор и собирал похабные рукописи. Что-то ему отдавали так, что-то приходилось переписывать.

Топольницкий решил, что лучше всего, если они встретятся на даче в непринужденной обстановке. За чашечкой чая. А к чашечке чая он решил прикупить бутылку армянского коньяка, который сделает их беседу более непринужденной. Тем более, что Николай Петрович сообщил, что его хороший знакомый – любитель застоля. Позвонил. Чтобы не отпугнуть Самогонова, представился, как начинающий литератор, который бы хотел получить совет от специалиста. Но поскольку человек он застенчивый, то поэтому желает неформально пообщаться.

Дачка была неказистая. Небольшой участок с грядками, ягодными кустами, теплицей и парой низкорослых яблонь. Штакетник почернел от непогоды и старости. Некоторые столбики были подперты, чтобы не упали. В глубине участка небольшой домик, построенный на скорую руку из щитовых материалов, сарайка для дров и садово-огородного скарба и, разумеется, небольшой домик для отправления естественных нужд.

Самогонов Анатолий Васильевич выглядел brutальным мужчиной. Такие работают на лесоповале, охраняют эков и ловят в лесных чащобах несознательных браконьеров. Но он всю жизнь занимался литературой и редакторством.

Топольницкий представился. У Самогонова отказалась крепкая рука, и рукопожатие затянулось. Такими крепкими рукопожатиями обмениваются или с хорошими друзьями, или с теми, кого хотят увидеть среди хороших друзей. В последний момент Топольницкий передумал представляться начинающим литератором. Единожды солгавши, кто тебе поверит. И назвал звание и место, где он служит.

– Арестовывать приехали? – пошутил Самогонов.

– Для консультации, Анатолий Васильевич. Мне рекомендовал вас Николай Петрович как единственного и уникального специалиста в очень специфической и деликатной сфере литературного творчества.

– Витиевато выразились, батенька. Но я вас понял. Милости прошу к нашему шалашу!

Шалашом он называл низенький навес, под которым стоял стол и две коротких лавки.

Топольницкий выставил бутылку. По тому, как заблестели глаза Самогонова, он убедился, что тот выпить не дурак. Ну, что же! Это облегчало его задачу. Под парами человек становится более открытым.

– Хотите спойть меня, вытянуть нужные сведения, а потом цап-царап и бросить в свой мрачный сырой подвал, где на меня наденут кандалы и будут кормить меня протухшей селедкой?

– Анатолий Васильевич! На дворе вообще-то не тридцать седьмой год, который и партия, и правительство решительно осудили. Не сам год, конечно, а массовые репрессии.

– Раньше скрывали, если кто-то из твоих родственников сидел или более того. Сейчас модно стало. «Вот у меня дядя... Ах, у меня дедушку репрессировали». Вроде как заслуга. Достоинство твоё.

Самогонов сходил в домик, принес стопки и нехитрую снедь: соленые огурцы, квашеную капусту и крупно порезанные ломти хлеба.

– Три года назад похоронил жену. Онкология. Думал, что не проживу без нее, загнусь. Я ведь сам-то по дому ничего не делал. Да и на даче в основном она. Так, если что по-мужски попросит. Я даже себе глазунью не жарил. И весь дом

держался на ней. Я еще сплю, а она уже подскочит и возит-ся, убирает, стирает, варит. Или на даче здесь работает. Я же вот всё рукописями шебуршал. Но нет! Всему научился. Вот борщ могу сварить, стиральную машину освоил, глажу, пола мою. И по даче всё делаю. Всё вот это хозяйство (он махнул в сторону грядок) содержу. Свободного времени почти не остается. Некогда особо рукописями заниматься. А знаете, я даже не жалею об этом. Чему я только не научился за эти три года. Ну, не так, конечно, как супруга. А что рукописи? Это просто бумага с закорючками.

– Сами-то ничего не пишете? Николай Петрович хвалил ваши стихи. У вас, кажется, даже сборник имеется?

– Знаете, когда еще Поленька жива была, начал я писать воспоминания. Я ведь со многими местными звездами был на короткой ноге. С некоторыми столько водки выпил! Два очерка написал. На этом дело и застопорилось. Наверно, уже не напишу.

– Ну, что вы, Анатолий Васильевич! Зимой не будет дачи, много времени свободного. Пишите в своё удовольствие. Я уверен, что это будет очень интересно и поучительно.

Махнули по стопке за знакомство.

– Вы, Максим... ничего, что я вас так называю?... всё-таки по какому делу? А то я сажу гадаю.

– Анатолий Васильевич, мне на вас указали, как на специфического специалиста, собирателя нецензурного фольклора. Ну, и не только. И рукописей подобного рода.

– Что? Нельзя?

– Помилуй Бог! Да собирайте, что угодно. Тем более, что здесь присутствует и определенный научный интерес.

– Максим! Для науки нет запретных тем. Вот какой-нибудь ученый-паразитолог всю жизнь изучает глистов, солитеров и прочую гадость. Фу! Для обывателя даже противно подумать об этом. А для науки нет никакой разницы, что гли-

сты, что Мона Лиза. Они лишь объекты для научного изучения. Ученый не может быть брезгливым. Кто-то изучает творчество Пушкина, а я вот матерное творчество. И знаете, я уверен, что моя коллекция тоже представляет, пусть и маленький вклад в науку. Как только углубишься в эту тему, столько возникает вопросов. Это ведь тоже форма народного творчества, а для науки оно представляет интерес во всех своих проявлениях. Вот чем я оправдываю свое хобби и насколько его не стыжусь.

– Согласен с вами, Анатолий Васильевич.

– Вот Максимов пишет стишки всё о природе и о любви. Стихи, по правде сказать, дрянь. Души в них нет. А для поэзии это самое главное. Без души это мертвый гербарий, а не живые цветы.

– Я вот к вам по какому делу, как к лучшему специалисту в этой области.

Топольницкий достал тетрадь.

– Здесь как раз то, что вы коллекционируете. Через ваши руки много прошло подобного. Я хочу знать автора этой поэмы.

Самогонов насторожился, отодвинул от себя пустую стопку.

– Ну, вот, Анатолий Васильевич, чего вы так напряглись? Заверяю вас, даю вам честное офицерское слово, что ничего этому поэту не будет. Или вы мне не верите?

– Зачем он вам?

– Видите ли, эту тетрадку завуч отобрал у ученика на уроке. Он читал ее вместе со своим товарищем. А до этого стишки из этой тетрадки читались вслух в школьном туалете. Кстати, не находите, что очень символичное место для чтения подобного? При присутствии младшекласников. Среди них вполне мог оказаться и ваш внук. Дети с неокрепшей психикой, с несформировавшимся мировоззрением, не имеющие, так сказать, иммунитета против всякого рода духовной заразы. Пусть читают это люди взрослые, смеются. Здесь я не вижу никакой беды. Они дают отчет, что это такое. Детям же давать этого нельзя. Когда вы познакомитесь с содержанием этой тетрадки, вы согласитесь со мной. Ведь вы здоровый человек, уже солидного возраста. Я всего-навсего проведу профилактическую беседу с автором, чтобы предостеречь его от распространения подобного рода стишков. Если этот человек в здравом уме, он согласится с моими аргументами. В детскую среду это не должно попадать. И всё! Никаких репрессий! Только побеседовать, предостеречь. И ничего более. Вы же должны понять, что этот человек может ступить на скользкую тропу, а это уже грозит серьезными последствиями. Ни я, ни вы, я уверен в этом, не хотите этого. Мы должны его остановить, спасти.

– Дайте мне это!

Самогонов протянул руку. Глядя на мозоли, Топольницкий подумал, что эта рука мало предназначена для лирических песнопений. Пододвинул тетрадь. Самогонов погрузил-

ся в чтение. Время от времени отрывался от тетради. На правах хозяина наполнял стопки, чокался, закусывал и снова читал. Топольницкому не оставалось ничего иного, как только наблюдать за его лицом, чтобы прочесть, какие эмоции вызывала в нем поэма. Тем более Самогонов был из тех непосредственных натур, которые не умеют скрывать своих чувств. Он то мурчал, то хмыкал, то улыбался, то начинал хохотать, приговаривая:

– Недурственно! Ах, шельмец!

Между тем бутылка коньяка опустела. Самогонов в очередной раз поднял ее и поморщился, поняв, что спиртное закончилось. «Вот, что значит жизнь на свежем воздухе и здоровая закуска с грядок!» – подумал Топольницкий, поскольку Самогонов выглядел совершенно трезвым. Самогонов исправил положение. Он сносился в домик и принес бутылку водки. Топольницкий замахал руками. Нет! Нет! Нет!

– И не вздумайте отказываться, молодой человек! Иначе я вам ничего не скажу. Буду нем, как рыба. Вы хотите оскорбить мое достоинство гостеприимного хозяина?

– Есть что сказать? – оживился Топольницкий.

– И более того, даже определенно сказать. Но не забывайте наш уговор! С фигуранта не должен даже волос упасть. Иначе я себе никогда не прощу свою откровенность.

– Клянусь вам всем святым! Но профилактическую беседу проведем. Да и вы поступили бы так же на моем месте. Беседу? Это можно. Это в одно ухо влетело, а в другое

вылетело.

– Нет. Надо, чтобы и в голове задержалось.

Топольницкий не торопился пить, боясь, что охмелевший Самогонов не сможет толково рассказать всё об авторе рукописи. А то и вообще взбрыкнет и ничего не станет рассказывать.

– Так, Максим. Я даже знаю, кто это написал. Потому что такое мог написать только один человек. Но...

Топольницкий насторожился.

– В начале предыстория. Здесь...

Он постучал пальцами по тетради.

– ... как в «Божественной комедии» Данте, есть второй план. Так сказать, роман в романе. Явление довольно распространенное в мировой литературе, с которой автор, несомненно, хорошо знаком.

– Что еще за план?

– Реальная политическая история. История КПСС, с которой автор тоже хорошо знаком. Увидеть это и понять может только тот, кто сам изучал эту историю. В прочем в вузах на первых курсах у нас везде студенты изучают историю партии.

«Началось! – поморщился Топольницкий. – Пьяный бред! Еще пара стопок и он начнет рассказывать про йети и инопланетян»

– Анатолий Васильевич! Я же читал это. Какая история КПСС? О чем вы?

– Вот слушай! Лет пять или шесть назад студенты гуманитарного факультета нашего университета создали подпольную партию КПСС – комическая партия сексуальной свободы. Все они проживали в пятом общежитии. Хотя не все. Пара-тройка физиков и математиков из девятки. Ну, а как же! На Западе сексуальная революция. Хиппи, битлы. Всё, что нужно миру, это любовь. Тоже волосы длинные носили, бороды отращивали, узкие брючки. Кто-то круглые очки раздобыл, как у Джона Леннона. Ну, никакая это не партия, конечно, а так, чтобы посмеяться, постебаться. Кругом серьезные ответственные лица, съезды, пленумы, отчетные доклады. Тут же молодость, энергию девать некуда, хочется радости, веселья. Пушкин до самой своей гибели воспевал лицейскую дружбу, пирушки, ланиты и перси молодых дев. Да и попроказничать мог, разыграть кого-нибудь. И тяжело переносил скуку. У них была пародия какая-то, прикол. Провели учредительный съезд, приняли программу и устав. Всё это в шуточной смеховой форме. Даже соревновались в остроумии, когда всё это писали. Избрали центральный комитет, сексуального секретаря. Ну, и там в общежитии собирались в одной из комнат раз в неделю, по субботам.

– Устраивали оргии?

– Какие оргии? Там же одни парни, девушек не было. Принципиально не принимали их в свою компанию. У них по уставу раз в месяц каждый должен вносить взносы – бутылку портвейна. Дешевый народный напиток, кото-

рый и студенты предпочитают употреблять. Покупали закуску, что-нибудь готовили и устраивали очередную вечеринку. Принимали какую-нибудь шутейную резолюцию, читали стихи. И вели тетрадь протоколов, которые без смеха невозможно было читать. Кому там только не доставалось! В поэтическом искусстве первенство, несомненно, принадлежало Толе Русанову. Он был самым талантливым среди них. И все понимали это. Ему прочили блестящую научную карьеру. Он занимался компаративистикой, сравнительным языкознанием, которое требует немалого

ПИИ Т А
РУСА НОВ
ХУЛИГАН

кового чутья. Его руководитель профессор Тимофеев был в восторге от него и курировал его научную деятельность. Толя даже бывал у него в доме и пользовался его огромной библиотекой. Вот такой это был одаренный юноша и в науке, и в творчестве. К тому же так и искрился остроумием, сочинял пародии, эпиграммы, шутливые афоризмы. Стихи у него были в основном юмористические, хотя и серьезное писала у них читал литературу «золотого века» профессор Одинокоев, умница необычайный. Он бросил идею студентам издавать свой литературный журнал. Назвали его «Рубикон». Всё-таки среди филологов было немало пишущих ребят. Номера три вышло. И, конечно, в каждом номере Толины стихи. Особенно мне понравилась его небольшая поэма «Путешествие на Парнас». Многие стихи из нее до сих пор помню наизусть. Герой отправляется на Парнас, где обитают поэты. И знаете, такая блестящая сатира на современную поэзию. Как она меня развеселила! И Пегас одряхлел, превратился в доходягу. И заканчивается поэма строчками:

Дальше кляча побрела,

Двигая чуть ноги.

И случайно наклала

Посреди дороги.

– Анатолий Васильевич! Всё это очень интересно. Но мне бы поближе к делу. Об авторе этой поэмы.

– Не надо меня подгонять. Я об этом и веду речь. Вот, когда я прочитал вашу тетрадку, то сразу подумал, что это мог

написать только он. Его слог, его стиль, а главное – зашифрованная история их общаговской КПСС.

– А что с этой КПСС произошло?

– Ну, что? Что? Еще бы хохмили неизвестно сколько. Хотя уверен, что со временем им это бы надоело. Но они устроили прямую акцию. На день Великой Октябрьской социалистической революции расклеили по городку листовки. Опять же ради смеха. Там типа «Пролетарии всех стран, совокупляйтесь!», «Руки прочь от секса», «Секса много не бывает!», «Дай! Не будь жадиной!» Вот это их и погубило. Листовки, да еще и в такой день! Ваши коллеги быстро вышли на них. Садить не стали. Это было бы слишком. Тут же бы и «Голос Америки» и «Свободная Европа» сделали бы их героями. И о них бы узнала вся страна. Зачем же привлекать серьезное внимание. В общем, поговорили серьезно. Из комсомола, конечно, выгнали, из универа. Заклеймили позором и всеобщим презрением на комсомольских собраниях.

– Где же теперь этот Толя Русанов?

Самогонов развел руками.

– Наверно, сразу забрали в армию. Восстановится он вряд ли пытался. Хотя, кто знает. Поинтересуйтесь у профессора Тимофеева. Это же был его любимый ученик. Он должен заинтересоваться его дальнейшей судьбой. Ну, что же вы, молодой человек, сидите, как красная девица? Нагревается же и градусы улетучиваются. Давайте за то, чтобы нам было хорошо, и чтобы нам за это ничего не было!

– За такой тост было бы грех не выпить! – кивнул Топольницкий.

Теперь можно было выпить и расслабиться. Он держал удачу за хвост. Он знает автора. И непременно теперь найдёт его.

–

Топольницкий попал в университетский холл к перемене. Просторный зал был многолюден и шумен. Какое разнообразие в одежде! От демократической почти рабочей униформы до дорогих строгих костюмов, сшитых скорее всего в ателье. У них в военном училище все носили курсантскую форму, даже расстегнуть воротничок нельзя было. Все были заняты собой или своим спутником, или спутницей и остальной мир для них не существовал. Кто-то сидел на подоконниках с конспектами и учебниками. Топольницкий шел, словно через скопление призраков, для которых он был совершенно не виден, тем не менее они ловко лавировали и ни один не толкнул его. Он остановился перед громадным витражом, занимавшим большую часть задней стены, которая выходила на университетский двор. Огромное пучеглазое солнце с синими губами. Наверно, так изображали солнце наши предки=язычники. Пространство вокруг солнца было заполнено разноцветными геометрическими фигурами и формулами, неизвестными Топольницкому. «Да здравствует солнце! Да скроется тьма!» – подумал Топольницкий. Витраж, кажется, влил в него дополнительную энергию, и он по-

молодецки побежал по лестнице.

В приемной секретарша сказала ему, что Тимофеева сейчас можно найти либо в профессорской, где преподаватели отдыхают во время перемены, либо в аудитории, где он читает лекцию. Надо посмотреть расписание, чтобы узнать аудиторию.

В профессорской Тимофеева не было. Ему сазали, что обычно перемены он проводит в аудитории. Топольницкий нашел его. Высокий мужчина с седыми, зачесанными назад волосами. На лице несколько крупных родинок. В прочем, смотрелись они даже естественно. Держался он прямо, несмотря на возраст. И когда Топольницкий вошел, он стоял возле преподавательского стола, беседуя со студентом. Говорил он тихо, не торопясь, отчетливо выговаривая фразы и глядя с отеческой улыбкой на студента.

Топольницкий остановился рядом.

– Вы ко мне?

Топольницкий кивнул, поздоровался и показал раскрытое удостоверение. Тимофеев только улыбнулся, как хорошему знакомому. Такая реакция – редкость, когда встречаются с сотрудниками комитета.

– Арестовывать? – улыбнулся профессор.

– Кирилл Алексеевич! Ну, что за юмор? Мне даже неловко стало. Просто каждый выполняет свою работу.

– Знаете, меня арестовывали ваши коллеги в далеком тридцать седьмом. В студенческой аудитории. Во время пе-

ремены. Я так и не успел тогда дочитать лекции. Знаете, помню все до мельчайших подробностей. Был прекрасный майский день. И я собирался вечером непременно погулять по парку, насладиться свежим воздухом, природой.

– Кирилл Алексеевич! Нам бы побеседовать.

Тимофеев поглядел на часы. Часы были наградные, с надписью: «С юбилеем!» Покачал головой.

– Через три минуты звонок. Не могли бы мы после лекции побеседовать?

– Конечно. Конечно. Я поброжу по университету. Здесь есть что посмотреть. А я здесь впервые.

Подождать так подождать. А пока Топольницкий направился к инспектору отдела кадров. Представился и попросил показать ему личное дело профессора.

– Кирилл Алексеевич то-то натворил?

Это была особа с высокой прической и ярко накрашенными губами. Столько помады обычно кладут девочки-подростки или дамы, которые и в солидном возрасте желают нравиться.

– Что вы, уважаемая? Как можно подумать подобное о профессоре? Просто это особенность нашей профессии, узнать о человеке, прежде чем собираешься с ним побеседовать. Поэтому я у вас, у ваших ног! Извините, что без цветов! Не думал, что встречу такую очаровательную женщину.

– Требуется официальный запрос.

– Я полистаю здесь у вас на диванчике, если вы, конечно,

не возражаете. Мы же с вами не законченные бюрократы?
– Если так, тогда ладно.

Она достала из шкафа папку с личным делом. Топольницкий хотел поцеловать ей ручку, но почему-то в последний момент передумал.

«Родился 31 марта 1914 года в Батуми в Грузии. В семье отца – ветеринара, мать – домохозяйка. Закончил семилетнюю школу и Тбилисский технологический химический техникум. Работал сначала библиотекарем, затем лаборантом. Учился на отделении русского языка и литературы филологического факультета Тбилисского университета. В 1940 году закончил аспирантуру Московского государственного педагогического института. Защитил кандидатскую диссертацию «История русского глагола прошедшего времени».

С 1940 года был доцентом и заведующим кафедры русского языка Благовещенского педагогического института. Во время войны вступил в ВКП(б). в 1951 г. защитил диссертацию «Инфинитивные предложения в русском языке». Научный руководитель – профессор В.В. Виноградов. Профессор кафедры Ленинградского государственного университета. Участвовал в работе над словарем современного русского литературного языка, редактор одного из томов.

С 1962 года заведующий кафедры общего языкознания в Новосибирском государственном университете. Читает спецкурсы по старославянскому и древнегреческому языкам. Преподает русский язык в физико-математической школе и других школах

Советского района.

Автор более 100 научных публикаций.

Супруга Елена Багратовна Топуридзе. Две дочери, одна математик, другая историк».

Дальше длинный список научных работ, медаль «За доблестный труд» «Хм! А вот про арест ничего. Вполне возможно, что был арестован по ошибке и вскоре отпущен, поэтому и не сочли нужным упоминать об этом в личном деле».

– Что собой представляет Кирилл Алексеевич как человек? – спросил Топольницкий, возвращая инспекторше личное дело.

– Феноменальный человек. Его называют королем русской словесности. Наверно, об языке больше его никто не знает. Его лекции даже сравнивают с детективными рассказами. Необычайная работоспособность. Никто не видел его сердитым или раздражительным. За каждого студента трясется как за родного ребенка. Часто приглашает их к себе домой на чаепития. У них очень гостеприимная семья.

=

– И о чем же, молодой человек, вы меня хотели спросить?

Они сидели в пустой аудитории. За стенами ее раздавался шум голосов, смех, иногда кто-нибудь заглядывал. Небольшое помещение, столы в два ряда. Здесь могла разместиться лишь небольшая группа для семинарских занятий. Пустые стены.

– Хотел спросить про Анатолия Русанова.

С лица профессора мгновенно исчезла благожелательная улыбка. Он оглянулся по сторонам.

– Опять что-то натворил?

– Нет! Нет! Ничего, профессор.

– Если бы ничего, вы бы не спрашивали о нем. Так что он наделал? Ну, говорите!

Пришлось рассказать про тетрадку.

– У него хулиганский характер. Сколько уже из-за этого у него было неприятностей. Никак не уймется. Знаете, на посвящении в студенты он устроил мужской стриптиз. Да-да, вы не ослышались.

– Как это?

– Влез на стул, расстегнул брюки и спустил их, медленно покачиваясь. Его стянули со стула, а то бы и трусы снял.

– Мда! Это из той же серии. У него просто руки чешутся что-нибудь отчебучить. Всё-таки, Кирилл Алексеевич, что вы про него можете сказать?

– А вы точно не собираетесь его садить?

– Что вы, Кирилл Алексеевич? В конце концов, ничего противозаконного он не совершил. Написал скабрёзную поэму. Но кто знает, что лежит в столах наших именитых поэтов и писателей, лауреатов всевозможных премий? Мне тут один специалист поведал про хобби членов нашего союза писателей. Они особо и не скрывают этого. Но знаете, рукопись Русанова попала в руки школьников. Это дети. Сами понимаете, с несформировавшимся мировоззрением, которые лег-

ко поддаются любому влиянию. Нет, речь о посадке даже не идет. Но вот профилактическую беседу провести надо. Человек он умный и должен понять, что подобное недопустимо.

– Ну, что сказать про Анатолия? Это талант. Для музыканта нужен музыкальный слух. А у него есть языковой слух, чутье на слово. Слово для него не просто набор звуков или букв, а живой организм, у которого есть сердце, дыхание, своя биография. Он понимает душу языка. Иностранные языки ему даются легко. Уже через год он заговорил по-английски. Хотя в школе изучал немецкий и читал в подлиннике немецких писателей. И переводил современных немецких поэтов. Переводы великолепны. А еще и рассказы писателей потерянного поколения.

– Куда же они потерялись?

– Так называют писателей Европы и Америки, которые прошли через горнило первой мировой войны, вернулись к мирной жизни и не могли найти там себе место. Война обострила их зрение, и они увидели всю фальшь буржуазного общества и не могли жить как простые обыватели. Анатолий даже перевел роман д'Леонгарда Франка «Links, wo das Herz ist», «Слева, где сердце», который я считаю одним из лучших романов в новейшей немецкой литературе. А еще переводил шванки и любовную лирику немецкого поэта Опитца. Переводы великолепны. Они бы сделали честь любому профессиональному переводчику. Такое впечатление, что он

всю жизнь только переводами и занимался.

– Что-то опубликовали?

– Ну, это не так-то просто. У них, переводчиков, своя команда, все переводы расписаны на несколько лет вперед. И чужаку пробиться там не так-то просто. Ну, разве что в каком-нибудь журнале опубликоваться.

– Понимаю.

– Я его заметил сразу. С первых семинаров. Сначала он делал сообщения, доклады, всегда безукоризненные с научной точки зрения. На первом курсе он писал курсовую по компаративистике. Я уверен, что это его призвание. Я ему дал один из индоевропейских корней. Он написал исследовательскую работу на основании данных восьмидесяти семи языков, даже диалектов албанского языка. Представляет, сколько ему пришлось перерывать! Такое накопал! Блестящая работа! Если бы не эта глупая история Анатолий, несомненно, стал бы прекрасным лингвистом. Это потеря для науки. Для меня это был удар, потрясение. Я столько надежд возлагал на него.

– Знаете, где он сейчас?

– Увы! Вероятно, его забрали в армию, после того, как отчислили. Никаких известий о нем я не имею. В университете он не появлялся. Я спрашивал ребят, которые дружили с ним. Пожимают плечами. Ничего не известно. Надеюсь, я удовлетворил ваше любопытство?

– Вполне.

– Прошу вас, Максим Николаевич, не наказывайте его еще раз.

– Обещаю.

– И еще... Если вы отыщите его, то сообщите мне, позвоните на кафедру или домой. Я вам номера запишу.

«Что мы имеем? Герой наш отчислен. О дальнейшей судьбе его ничего не известно. О чем вы, товарищ лейтенант? Куда он мог отправиться после отчисления? Конечно же, домой. Адрес же имеется в личном деле».

Топольницкий, спустившись со второго этажа, остановился на лестничной площадке. Вдоль всей стены висела стенгазета. Крупными буквами выведено название «Логос». На

ее ушло не меньше десяти листов ватмана. Тексты были отпечатаны на отдельных листах на машинке и приклеены к ватману.

Топольницкий прочитал несколько заметок. Забавно! С каким задором написано! Скорей всего писали будущие филологи.

—

Разве трудно об этом было догадаться? Раз рукопись всплыла в Затоне, значит, и автор ее там живет.

Вот он снова в поселке. Наверно, АТП выделило сюда самые старые автобусы, которых не жалко для разбитой дороги и хулиганов, что режут кожу сидений и выцарапывают надписи непристойного содержания. Задняя дверь плотно не закрывалась и в нее можно было просунуть руку. Зато и дорожная пыль сюда проникала беспрепятственно. Сидения были затерты до дыр, обнаруживая пружины.

Топольницкий опустил на кресло и перед его взором открылись надписи на тыльной стороне переднего сидения «Наташка – сука», «А+П = Л», «Все бабы – б...» и прочие шедевры подростковой фантазии. Автобус дребезжал, скрипел, гроыхал и было удивительно, что он всё-таки ехал, а не рассыпался по дороге.

Топольницкий добрался до последней остановки, где автобус делал круг. Идти было совсем недалеко. Вот она Портовая, девять, двухэтажный дом из круглых бревен с двумя подъездами, к каждому из которых вело высокое деревян-

ное крыльцо. Возле крыльца стоял столик с двумя скамейками, под столиками большая жестяная банка с окурками. По вечерам за столиком собирались мужики, курили, болтали, забивали «козла», иногда выпивали, но иногда, потому что их жены были рядом, и они не приветствовали такое времяпрепровождение и могли закатить истерику. Обычно, чтобы выпить на троих выбирали более дальние и не такие заметные места. Уходили на берег Затона или Оби, где на бережку за кустами никто их не видел и не мешал приятно проводить время. Сейчас, а было около десяти утра, за столиком сидел один дед Гриша, который занимал как раз комнатку напротив и выходил сюда покурить на свежем воздухе. Курил он махорку, а супруга его не выносила табачного дыма. Дым быстро наполнял их небольшую комнатку и сизыми облаками плавал по ней. Он с детским интересом рассматривал Топольницкого, который поднимался по скрипучим ступенькам крыльца. Всё-таки незнакомый человек. Топольницкий поздоровался.

– Тебе тоже не хворать! – проговорил дед Гриша, выпуская густое облако пахучего дыма. – Ты к кому будешь?

– Ну, мне Русановы нужны.

– Если Аннушка, то она дома. Утром уже сносила белье на речку пополоскать. А Тольки нет. Он в рейсе.

– В каком рейсе?

– Ну, он же матросом на самоходке. Самоходка ушла на севера.

– Когда вернется?

– Ну, неделю назад ушла. Значит, где-то через две недели.

– У них квартира третья?

– Да. На втором этаже. Справа.

Аннушка, понял Топольницкий, это была мать Анатолия Русанова. Жили они на подселении, как и большинство семей в поселке. За дверью, обитой с наружной стороны старым ватным одеялом, из-под которого в нескольких местах выглядывала грязная вата, было три комнаты, в каждой из которых обитала отдельная семья, общий коридор с антресолями над дверями, где хранились старые вещи, общая кухня и общий туалет.

Топольницкий постучал в дверь слева и не ошибся. У порога его встретила невысокая миловидная женщина.

– Мне нужны Русановы.

– Это я.

– А вы, как я понимаю, мама Толи Русанова?

– Да. А вам Толя нужен?

– Вообще-то да. Но мне сказали, что он в рейсе.

– В рейсе. Да вы проходите! Что мы стоим на пороге?

Сели за крепкий овальный стол. Явно изделие искусного мастера. Мебель стоила дорого. И люди в основном предпочитали заказывать ее у местных мастеров, что обходилось дешевле.

– Вы кто? Друг Толи?

– Ну, в общем-то да. Дружили. Потом вот как-то пути разошлись. Вот оказался в городе, решил навестить. Узнать, что да как. И не повезло. В рейсе Толя. Не увидимся, значит.

«Нехорошо, что я вру. Но и тыкать при каждом случае удостоверение с красными корочками и золотистой надписью грозного учреждения, тоже как-то. Кто-то сразу впадает в ступор, кто-то в недоумение. А причем тут он? А кто-то испытывает страх. Неужели он натворил что-то такое, что им занялось такое учреждение? Что подумает мама, если ее сыном интересуется сотрудник комитета, о котором говорят с придыханием и оглядываясь по сторонам? К тому же наша работа не требует, чтобы во всех случаях официально представляться».

– Анна... не знаю, как вас по отчеству.

– Федоровна.

– Анна Федоровна! Наши пути разошлись несколько лет назад и мне ничего не известно о последних годах его жизни. Ведь он учился в университете?

– Да. А через полтора года, он уже был на втором курсе, приехал домой, сумрачный такой. «Мам! Я бросил университет». – «Как? Почему? Ведь ты так хотел там учиться. И с таким восторгом рассказывал об университете». – «Ну, вот не смог я». И всё. Больше ничего и не сказал.

–

Полковник выслушал Топольницкого, улыбнулся.

– Нк, что, товарищ лейтенант. Не скрою, были у меня опа-

сения. И первое время я даже думал поручить это дело более опытному оперативнику. Это на первый взгляд оно кажется простым. Подумаешь, какие-то стишки, найти какого-то стихоплета. На самом деле это искать иголку в стоге сена. Ты вон какую работу провел. Всё сделал грамотно. Так говоришь, этот самый... Русанов в рейсе? Так вот! Как только вернется, тащи его к нам в контору. Тут мы ему фитилей наставляем!

Топольницкий вздохнул. Отодвинул от себя папку чуть ли не до середины стола. Потом за уголки подтянул ее к себе.

– Что ты, лейтенант, так волнуешься? Что-то недоговорил? От меня не надо ничего утаивать. Со мной надо быть искренним, как на первом свидании.

– Товарищ полковник! У меня просьба. Не надо Русанова сюда в контору.

– Почему же?

– Я поговорю с ним. Он всё поймет, как надо. Он умный парень.

– Лейтенант, здесь уже сами с стены воздействуют на человека, он себя ощущает совершенно иным образом, чем в каком-то другом месте. Уже сам факт, что его вызвали в контору, заставит его задуматься. В сознании проносятся застенки Ивана Грозного, подвалы Тайной канцелярии графа Шувалова, зарешеченные комнаты ЧК. У человека уже иначе циркулирует кровь, всё вот тут сжимается и ёкает от страха, который поднимается вот так, вот так к горлу и засты-

вает там комком, на лбу выступает испарина, нервно начинает подергиваться глаз, губы дрожат. Хотя до этого ничего не подёргивалось и не дрожало. Вспоминается прочитанное в романе Вальтера Скотта об «испанском сапоге». Человека еще ни о чем не спрашивают, а он уже обо всем готов рассказать, даже о самом тайном, о том, как в детском саду украл из песочницы чужую игрушку. Вот оно каково воздействие этих стен. А ты хочешь пренебречь этим эффективным психологическим оружием. Не понимаю я тебя, лейтенант.

– Товарищ полковник, у меня убедительная просьба, если, конечно, я о чем-то могу просить в этом кабинете.

Полковник бросил на него насмешливый взгляд, передвинул на столе органайзер вперед и вправо. Полюбовался. Кажется, вот так лучше и не будет мешать.

– Максим! Не знаю, какая тебя муха укусила. Но будь потвоему! Потом напишешь рапорт как положено. Поставим этого Русанова на контроль на годик- другой. И думаю, этого достаточно. В конце концов, у нас есть более важные дела. Шпионы, резиденты... Пора тебе, лейтенант, подниматься на ступеньку повыше. Рифмоплеты – это как-то несерьезно для чекиста.

–

В семьях речников, моряков, рыбаков существует такая традиция; встречать на берегу судно с родными, которые возвращаются из рейса. Подсчитывают, сколько остается до возвращения и ждут судно, всматриваясь вдаль. Капитан

держал связь с дежурным, у которого можно узнать, где судно и когда оно придет домой. В Затоне в этот день семьи выходили на высокий берег, там, где заканчивается залив и начинается Обь и на этом мысу поджидали. На судне при приближении включали сирену.

– Идет! Идет! – кричали на берегу и скоро на фарватере появлялось их судно.

Поскольку у каждого судна был свой голос, вой сирены, и речники и их семьи знали этот голос, ошибки здесь не могло быть. Вот их родная самоходка или буксир ложились на правый борт и медленно заходили в залив. На палубе стояли их мужчины, которым махали и кричали с берега. Каждая такая встреча была семейным праздником. На мужчине повисали дети, жена пропускала свою руку под локоть и прижималась щекой к теплому плечу мужа. Дома ждал праздничный обед или ужин с непременно бутылкой водки. Обязательно зайдут соседи поздравить с возвращением, им нужно будет поднести стопочку. Традицию нельзя было нарушать.

Возвращаясь с рейса, речники привозили красную рыбу, уже засоленную, бруснику, кедровый орех. Всё это в Низу (Низом называли Обской Север) стоило гроши. А здесь это очень ценилось. Речную рыбу – окуня, ерша – считали сорной рыбой. Серьезные мужики такую не едят. Девчонки и мальчишки бегали с кедровыми орехами на зависть ребятишкам, у которых отцы и братья сидели на берегу, а поэтому не могли их порадовать такими деликатесами.

Наверно, так перелетные птицы презирают воробьев и синиц, которые не знают, что такое дальний перелет и дальние страны.

Толю Русанова встречала она мама. С рейса он ничего с собой не привез, кроме маленького чемоданчика с грязным нижним бельем. Мама схватила его локоть и дорогой расспрашивала, как прошел рейс.

—

— А это мы снова и опять, — бодро проговорил Топольницкий, перешагивая порог.

Мать и сын сидели за столом. Судя по всему, они о чем-то беседовали. Сын посмотрел удивленно, сначала на Топольницкого, потом на мать, ожидая объяснений.

— Я же тебе говорила, Толя, что тебя спрашивал старый друг. Вот он и пришел.

— Друг? Ну! Ну!

Это был худощавый парень с длинными темными волосами, более похожий на подростка, чем на взрослого мужчину. Он поднялся из-за стола и пожал протянутую руку Топольницкому.

— Я сейчас что-нибудь приготовлю на стол, ребята! — хлопотала мать.

— Не надо! Не надо! — стал отказываться Топольницкий. — Я ненадолго. Только повидаться. Должен уезжать. А ты как, Анатолий?

— Лучше всех!

– А, может, прогуляемся? – предложил Топольницкий.

Когда они спускались по лестнице, Русанов спросил:

– А вы собственно кто? Среди своих друзей я что-то вас не припоминаю.

Топольницкий показал удостоверение.

– Любопытно! Хотелось бы узнать, агентом какой иностранной разведки я являюсь?

– Где мы могли бы поговорить, Анатолий, спокойно?

– Ну, есть тут у меня любимое местечко. Недалеко.

Они прошли до конечной остановки, потом до школы, где Топольницкий уже побывал и, пройдя вдоль берега залива, вступили в парк с высокими тополями, клёнами и акациями.

– Пантеевский парк, – сказал Анатолий. – Вот жил человек, уже давно ушел в мир иной, но оставил после себя память. Этот парк. А что мы знаем о нем? Фронтвик. Вернулся с войны. Сын у него погиб. Работал штурманом. Потом у него умерла жена. Он остался один. Ушел на пенсию. На этом месте был пустырь. И он решил разбить здесь парк. Какое самое неприхотливое и быстрорастущее дерево? Достаточно ветку воткнуть в землю и полить, и оно будет расти. Это тополь. Да и клён – уживчивое и неприхотливое дерево. Так и трудился Пантеев из года в год, высаживая здесь саженцы и ухаживая за ними. Пробовал и хвойные деревья вырастить. Но у нас для них почва не подходит. Не прижились. Всю свою пенсию тратил на этот парк. Вот скамейки поставил. Даже несколько статуй с морской тематикой: Нептун, русал-

ка, бравый морячок, тритон, дельфин. Детскую площадку хотел здесь устроить. Но уже жизни не хватило. Вот парк его имени живет. Парочки здесь влюбленные прогуливаются. И мужики, естественно, когда надо на троих сообразить.

Присели на скамейку. Парк был безлюден. Только воробьи и синицы скакали по веткам и звонко чирикали. Топольничий достал тетрадку.

– Узнаете?

– Вон оно что! – ухмыльнулся Русанов. – Я уже и позабыл про нее. Я ее потерял. Кажется, в автобусе.

– Нам ее принесла завуч вашей школы. Там ее в туалете читали ученики. Причем даже дети младших классов слушали. Весьма символическое место для чтения этого шедевра – туалет. А до этого она прошла через не одни руки.

– И теперь мне за это светит статья. Только не понимаю, почему вы не вызвали меня повесткой.

– За что за это вам должна светить статья?

– Ну, за антисоветскую агитацию.

– Там нет никакой антисоветчины, призывов к свержению существующего строя. Вы же сами прекрасно это знаете. Это похабные порнографические стишки, которые совсем не предназначены для детских ушей и душ. Но я и не думаю, что вы рассчитывали на эту аудиторию.

– Ну, я же говорю вам, что я ее потерял.

– Анатолий, вы же серьезный человек. Никакой-то гопник, двоечник, который не отдает отчета своим действиям.

Не пойму, как вам пришло в голову написать это.

– Хм! А вот вам не охота иногда похулиганить? Кстати, наши великие классики были и великими хулиганами. И Пушкин, и Лермонтов, и Маяковский. Уже не говорю об Есенине. Они не могли удержаться, чтобы не нарушить нормы приличий. Знаете, как за это их осуждало общество и какое недовольство это вызывало у властей.

– Просветили уже.

– Ну, в общем, когда я дембельнулся, пошел на работу. Профессии у меня никакой не было. Взяли меня в котельную кочегаром. Вот сидишь всю ночь, спать нельзя. Мало ли что! Котел где-нибудь побежал, перегрев произошел. Да и ходили проверяли. Придумал себе это занятие. Стал писать эту поэмку.

– И читать ее другим? Ведь каждый, кто пишет, желает быть услышанным или прочитанным.

– Никому не читал.

– Не понимаю. Ну, писали бы там о природе, о любви. Кстати, был бы и шанс опубликоваться.

– Хотелось похулиганить. Написал, перечитал, понравилось. Самого смех берет. Значит, удалось. И вот ехал домой. Может быть, перчатки доставал или деньги. Не помню. И выронил эту чертову тетрадку. Только дома хватился. Понятно, что искать подобное не будешь.

– А тетрадка ваша пошла путешествовать. Пока мы не прервали ее турне. И если бы этого не сделали, сколько бы

еще детей приобщилось к этому творчеству. Вы думали об этом?

– Что мне теперь будет?

– Ну, премии Ленинского комсомола уже точно не будет. Профессор Тимофеев высоко отзывался о вас. Вы не хотите вернуться в науку? Я уверен, что это ваше призвание.

Русанов рассмеялся.

– Мало ли чего я хочу. Наука – это не хобби, которым можно заниматься на досуге. Она требует всего человека, всех его сил, всей его жизни. Для ученого наука – это как воздух. Ученый даже во сне продолжает быть ученым. Наука его держит в своих лапах и не отпустит до самой смерти. Ученый, даже когда спит, продолжает быть ученым. Слыша-

ли, наверно, что Менделееву приснилась периодическая система? Теперь мне надо зарабатывать на хлеб насущный. Так что с наукой никак не получается. А вы мне не отдадите тетрадь?

– Ну... А знаете, берите! Надеюсь...

Русанов взял тетрадь. погладил обложку. Потом стал рвать и складывать листы в кучу. Поднес спичку. Вспыхнул костер.

– Не жалко?

– А еще говорят, что рукописи не горят. Оказывается, еще как горят!

–

– Ну, что, Максим Николаевич...

Полковник захлопнул папку.

– Будем считать, что вы успешно справились с этим делом.

Пора вам заняться и более серьезным. Готовы?

– Так точно! Только вот, товарищ полковник, Иван Семенович, у меня по делу Русанова к вам убедительная просьба. Анатолий Русанов – несомненно, талантливый человек. Он ученый. И если он останется в науке, то сделает немало открытий, которые так нужны нашей стране, нашей советской науке. Здесь прошение профессора Тимофеева о том, чтобы вернуть его в университет и дать возможность закончить его. Это характеристика с места работы. Характеризуется положительно.

– Что ты от меня хочешь, Максим?

– Чтобы вы поговорили с нужными людьми, с секретарем райкома партии, ректором университета, и Русанова восстановили. Его место в студенческой аудитории, а не со шваброй на самоходке.

– А если он еще какой-нибудь фортель выкинет?

– Не выкинет. Мы должны его спасти для науки. Мы же не только караем, но и помогаем людям.

– Твои слова звучат убедительно. Но более всего меня убеждают твои глаза. Ладно! Я переговорю с кем надо. В конце концов, он уже наказан. И наверно, не раз покаялся в том, что натворил.

–

Анатолия Русанова восстановили в университете, который он закончил с красным дипломом. Потом была аспирантура, защита кандидатской и докторской диссертации. Он крупный специалист в области компаративистике, ученый с мировым именем, автор более чем десятка монографий, трех учебных пособий, более ста статей в авторитетных научных журналах. Работал профессором в одном из сибирских вузов, заведовал кафедрой, читал лекции. В 2013 году была опубликована его большая рукопись «Не предназначенное для печати». Издана она ограниченным тиражом. В массовые библиотеки она не попала.